

Туман настоящего. Несколько жизней

Автор:

[Наталья Орлова](#)

Туман настоящего. Несколько жизней

Наталья Орлова

Туман приглушает звуки, в нем теряются точные очертания предметов, в нем легко заблудиться... У каждого из героев романа свой путь сквозь туман. Что их ждет? Потери и обретения, но, главное, они научатся безошибочно находить дорогу в тумане настоящего: отличать значимое от второстепенного и дорожить каждой минутой этой жизни.

Японская повесть «Несколько жизней» – причудливая история встреч и разлук в круговороте колеса Сансары. Можно ли узнать тех, кто был дорог, пройдя сквозь смерть и рождение?

Наталья Орлова

Туман настоящего. Несколько жизней

Туман настоящего

(роман)

«Тело мое – глина

Имя мое – туман...»

Бенедикт и Беатрис

Косые лучи заходящего солнца окрасили корешки книг на полках в красные тона. Слуга, неслышно ступая, зажег свечи и вечер за окнами отступил в тень. Веселые огоньки свечей покачивались и трепетали. Бенедикт обмакнул перо в чернила и начал быстро писать, стараясь ухватить за хвост интересную мысль, а потому не услышал дробного стука лошадиных копыт и грохота колес.

Через полчаса дверь в библиотеку снова приоткрылась, слуга нерешительно взглянул на крупную фигуру хозяина, быстро водившего пером по бумаге. Но вот быстрый росчерк пера и удовлетворенный вздох.

- Господин... - слуга все же решился нарушить молчание.

- Да? - мужчина недоуменно приподнял бровь.

- Вам письмо...

- Письмо? Что же давай...

Он быстро взял увесистый конверт, слуга успел заметить свежие пятна чернил на дорогих кружевах манжет. Лицо господина омрачилось, между бровей пролегла характерная складка, когда бумаги легли на стол.

- Она здесь?

- Да, только что приехала. Просить?

- Пусть войдет.

Слуга скрылся за дверью и вскоре вернулся, с легким поклоном впусив хрупкую фигурку в черном платье. Девочка замерла, словно оглушенная. В комнате

царил полумрак и тишина, а ей казалось, что все еще продолжается тряска в карете по бесконечной дороге. Она смотрела в пол, бездумно и покорно опустив голову. Круглые узоры на толстом ковре у ее ног, казалось закручивались и раскручивались.

– Подойди ко мне, дитя мое.

Она повернулась на голос и не сразу заметила крупного мужчину в белой рубашке и расшитом золотом жилете. Он слегка щурился и бесстрастно рассматривал ее, улыбка была любезной, но равнодушной. Девочка сделала несколько шагов навстречу и замерла, оказавшись в полукруге света. Она тоже стала рассматривать его: высокий лоб, длинные густые волосы с проседью, по моде собранные в хвост, растрепались, и длинная прядь падает на лоб, большие внимательные глаза. Кажется, она уже видела это лицо когда-то давно. В счастливом прошлом, в том мире, о котором она запретила себе не только думать, но и вспоминать.

– Беатрис, ты помнишь меня?

– Кажется, да...

– Я только что узнал. Здесь завещание и все твои документы. Получается, что теперь я отвечаю за тебя перед людьми и Богом... Зови меня Бенедикт. Сейчас тебя проводят в гостевые покои, завтра решим, где ты будешь жить.

Так в особняке появилась тихая и незаметная девочка с двумя служанками. Вскоре Бенедикт стал забывать о ее присутствии, отвел для нее дальние покои, в которых сделали легкий ремонт, пополнил штат слуг, а затем снова окунулся с головой в написание трактата, который считал главным делом своей жизни. Он не был бессердечным человеком, даже оплатил требы в аббатстве, чтобы там молились за помин души ее родителей, с которыми был связан дальними и крайне запутанными родственными связями. Отметил, что девочка может стать красивой, если сильно на разрастется. Привел в порядок ее финансовые дела, повелел экономке обновить ее гардероб и приобрести все необходимое для юной леди. И время стремительно понеслось вперед.

Беатрис. Библиотека

Осенний ветер завывал в старом парке, безжалостно клоня к земле голые ветви деревьев. Дождь с утра и до вечера стучался в окна. Беатрис вышла из своей комнаты, кутаясь в теплый платок, ей не спалось, она шла со свечой в руке в библиотеку. Раньше, когда родители были живы, он не поощряли ее тяги к чтению, теперь же, она была предоставлена самой себе и с упоением читала сутки напролет. Света в библиотеке не было – хороший знак. Значит, Бенедикт уже ушел. Она вошла, притворила за собой дверь, неторопливо зажгла свечи в большом канделябре. И направилась к заветной полке. Вот и томик Шекспира – отличное издание. Без труда нашлась «Леди Макбет», Беатрис предвкушала, что скоро снова прочитает предсказание трех ведьм, и начала бормотать знакомые наизусть слова, а потом будет следить за судьбой героев и размышлять до утра под стук дождя.

– Так-так... У моей библиотеки появился новый читатель... – Бенедикт сидел в глубоком кресле, лицо его было в тени. – Судя по всему юную леди интересует судьба Макбета?

Девушка вздрогнула, услышав его голос. Она спокойно выдержала его насмешливый взгляд.

– Судя по отрывку, который я услышал, вы это уже читали ранее?

– Да, читала...

– Хм, о чем, по-вашему, эта книга?

– О превратностях судьбы.

– Вот как? Не о любви, не о преступлении и честолюбии?

– Об этом тоже, но все же о выборе и о жребии...

Бенедикт смотрел на нее с изумлением, по его мнению женщины неспособны мыслить здраво, а юное создание, стоящее перед ним, не только говорит без

тени жеманства и кокетства, но еще и умно. Он меньше бы был удивлен, если бы дрессированная обезьянка в салоне маркизы начала бы говорить.

– Жребий предрешен? – это было даже забавно – послушать, что она еще скажет.

– В определенном смысле, но это не отнимает у нас права выбора. Человек свободен, в этом его благословение и проклятье...

Бенедикт хмыкнул, устроился поудобнее, что-то мальчишеское промелькнуло в его лице, и предложил собеседнице присесть в кресло напротив. Беседа затянулась за полночь. Вездесущий и незаметный слуга зажег огонь в камине, и осенняя ночь за окном закуталась в пелену дождя. Они читали вслух, спорили и соглашались, размышляли и удивлялись. Бенедикт развалился в кресле, болтал ногой и смеялся, он заметил, что ее светлые глаза могут становиться бездонными, особенно в моменты, когда он задумывалась над сложным вопросом.

Они стали часто встречаться по вечерам в библиотеке. Бенедикту была приятна роль наставника, он подбирал для нее все новые и новые книги, часто увлекаясь, рассказывал, о чем думает сам. Ни один собеседник не слушал его с таким напряженным вниманием, не задавал таких точных вопросов. В пылу беседы или от жара огня на бледных щеках Беатрис вспыхивал румянец, Бенедикту это нравилось. Изредка он отлучался из поместья, но вскоре, решив все неотложные дела возвращался, удивляясь тому, что скучает по этим философско-литературным беседам. Теперь в поместье время для него текло иначе.

Бенедикт. Тетрадь

В городе было как всегда шумно, суетно и бестолково. Бенедикт вынужден был появляться при дворе. Кроме того, его часто приглашали на философские диспуты в аббатство. Разгульная жизнь придворного чередовалась в городской жизни для него с научными и богословскими обсуждениями.

Незадолго до возвращения в имение он зашел в книжную лавку, которую особенно любил. Владелец лавки – юркий старичок с хитрым прищуром, как всегда, встретил его радушно, проводил в свой кабинет – маленькую комнату за прилавком.

– Есть для меня что-нибудь интересное?

– Да! Безусловно. Из одного скриптория при монастыре удалось достать еще два диалога Платона! Это было крайне рискованно... – говорил он, понизив голос.

– Я не останусь в долгу – глаза Бенедикта радостно блеснули.

– Ну и так, по мелочи... Хорошие редкие книги тяжело найти... Что интересует вас сейчас?

– Все то же – душа человеческая, его природа, что движет им? Что такое совесть? В чем Бог проявляет себя ярче всего?

– М-да... Вечные вопросы. Природа – это характер. Мне кажется, что душа часто страдает от природы... А Бог – устроитель законов этого мира.

– А природу тиранит мораль.

– Мораль – не от Бога ли происходят ее постулаты?

И беседа их продолжилась. А потом снова оборвалась, чтобы возобновиться при встрече. Проходя мимо прилавка, Бенедикт заметил небольшую книгу в красивом переплете с птицей феникс, изображенной сверху. Он взял ее, чтобы рассмотреть.

– Очень рекомендую – это тетрадь. Думаю, она украсит ваш кабинет, а ее украсят ваши мысли.

– Пожалуй, я куплю ее – Бенедикт рассмеялся, – но не для своих мыслей...

– О, у вас появился ученик – проницательный книготорговец прищурил правый глаз.

– Сомнительно, но возможно...

– Что же, науки юношей питают. Тогда, с вашего позволения, я заверну его и перевяжу тесьмой для красоты и торжественности момента.

Бенедикт нагрузил слугу покупками и покинул гостеприимную лавку, окунувшись в уличную суету столичной жизни, думая о возвращении и предвкушая удовольствие от чтения диалогов Сократа, рассказанных устами Платона.

Беатрис очень ждала его возвращения, одной в поместье было не то, чтобы скучно, но как-то пусто. Утром, сидя у окна, она вышивала и размышляла, пока игла проворно порхала в ее руке. В второй половине дня спускалась в библиотеку, которая была целиком в ее распоряжении. Она читала, растянувшись на медвежьей шкуре у самого камина – при Бенедикте девушка не позволяла себе подобной вольности. За окнами завывал ветер, день был пасмурным и ненастным. Беатрис пригрелась у огня, читая «Антония и Клеопатру».

Бенедикт приехал раньше обычного и, неслышно ступая, вошел в библиотеку. Девушка лежала у камина, подставив страницы под отсветы огня, иногда шепотом повторяя строки, прислушиваясь к тому, как звучат стихи. Бенедикт смотрел на нее с улыбкой. Почувствовав направленный не нее взгляд, Беатрис подняла глаза.

– Так-так! Непозволительные вольности... – она испуганно вздрогнула – Но я понимаю, какое это эпикурейство – проводить время с книгой, греясь у огня.

Беатрис села, опустив голову, щеки ее пылали. Но Бенедикт не сердился. Он подошел ближе и тоже опустился на мохнатую шкуру рядом.

– Мне стоило торопиться, чтобы не только опередить непогоду, но и застать подобную идиллию – глаза его смеялись. – Снова Шекспир? Какие мысли сейчас занимают мою ученицу?

– Я думаю про Антония...

– И что же?

– Любовь затуманивает разум...

– Да, такое часто случается. Не вижу в этом ничего удивительного. Люди в большинстве своем не могут понять самих себя. Разбираться в своих чувствах – высшее искусство.

– Им можно овладеть?

– Можно попытаться. Кстати, я привез для тебя подарок – Бенедикт протянул ей сверток, который раньше прятал за спиной.

– Мне? Спасибо! – Беатрис развязала веревочки и развернула сложенные бумаги – это была та самая тетрадь с птицей феникс. – Страницы этой книги пусты...

– Конечно. Они ждут твоей истории. Если хочешь научиться понимать себя, учись облекать мысли в слова. Пиши каждый день.

– О чем?

– Обо всем, что тебя волнует. Записывай мысли, рассуждай. Доверяй бумаге нерешенные вопросы. Кто знает, может через некоторое время ты сможешь найти ответы...

– Вы тоже доверяете мысли бумаге?

– Конечно. Логично размышлять можно только, выстраивая свои мысли в стройные полки на бумаге. Я много пишу, делаю словесные зарисовки, иногда даже занимаюсь черчением...

– Черчением?

– Да, мысли становятся яснее, если им придать графическую форму.

– Вот, почему на кружевных манжетах у вас всегда чернила...

– Разве? – он приподнял брови и засмеялся, заметив чернильное пятно на рукаве
– Теперь и твои пальчики изведает чернила.

Они долго еще болтали, сидя у камина, пока слуга не позвал в обеденную залу.

Дневник Беатрис

Вечер.

Это так волнующие – начинать писать. Я вожу пером по бумаге и замираю от робости и восторга. Теперь я буду учиться понимать себя. Не хочу, чтобы эмоции и чувства могли ослепить меня, как Антония.

Б. подарил мне эту книгу. Птица феникс на обложке – очень символично. Символ возрождения. Я так рада этому подарку и заботе обо мне. Б. очень добр ко мне, я восхищаюсь его умом. И могу только благодарить судьбу за...

Ох, что я пишу... Я не могу благодарить судьбу за смерть родителей? Нет. Я... всего лишь... Вот, запуталась. Отложу, продолжу, когда буду готова...

Ночь.

За коном разразилась буря, боюсь, когда ветер так шумит. Зажгла свечу. Я подумала, что смерть родителей сродни этой буре. Темно, страшно, больно...

Утро.

Солнце светит, я открыла окно. По небу плывут белые облака, поют птицы. Нет и воспоминания о ночном буйстве, только несколько сломанных веток. У меня на душе тоже утро. Дом Б., книги, наши беседы. Они как это утро.

Кажется, я начинаю понимать! Если записывать мысли, в них можно разобраться. Я так рада, расскажу Б.

Беатрис. Художник

Как-то раз Бенедикт привез из столицы художника, нужно было отреставрировать старинные фамильные портреты. Пожилой художник расположился у большого окна библиотеки. Его звали Уолтер, это был молчаливый и хмурый человек. Беатрис с интересом наблюдала за его работой. К удивлению Бенедикта, художник и его воспитанница быстро нашли общий язык.

- Моя госпожа, обратите внимание на этот цвет. Видите? - спрашивал Уолтер, указывая на палитру.

- Да, этот цвет теплый...

- А сейчас добавим этот тон.

- Чудесно. Очень красиво...

Дни напролет их приглушенные голоса раздавались среди книг. Беатрис принесла вышивку и устроилась рядом. Они тихонько беседовали о цвете и тепле, о лицах людей.

- Уолтер, как вы полагаете, можно по лицу понять характер человека?

- Думаю, можно.

- В чем секрет?

- В мелочах. Каждая морщинка, рассказывает целую историю. В том, как очерчены губы, какова линия носа, в ней сокрыта судьба человека.

- Его прошлое?

- Мне кажется, что и будущее тоже...

– Как это возможно?

– Я полагаю, что прошлое и будущее взаимосвязаны. Прошлое формирует характер. Характер влияет на поступки и, следовательно, определяет будущее.

– Очень интересная мысль! – Беатрис задумалась, положив работу на колени. Некоторое время они молчали.

– Вот, взгляните на портрет этой дамы: глаза красивы, художник был пленен ими – Беатрис подошла к нему и склонилась над портретом – Что вы видите, госпожа?

– Глаза удивительные, но нижняя часть лица... Линии губ – есть в них что-то своенравное, капризное, неприятное. – Уолтер пристально посмотрел на Беатрис.

– Именно! Вы меня поражаете! А еще?

– Брови – очень красивая форма, но одна бровь приподнята, от этого лицо становится надменным.

– Жаль, что мы не сможем проверить наши догадки...

– Отчего же, я спрошу об этой красавице. Вы же работаете с портретами предков, а значит, их историю можно узнать! Как же это интересно. Уолтер, вы умеете читать живых людей по лицу?

– Немного...

Дневник Беатрис

Вечер.

К нам в поместье приехал художник. Сначала он произвел на меня неприятное впечатление. Но сейчас я понимаю, какой он замечательный. Сегодня говорили о том, что можно узнать характер человека по лицу. Я теперь изучаю портреты в гостиной, пытаюсь угадать характеры людей на них изображенных.

Б. не оставил незамеченным мой интерес к портретам. Я попросила рассказать немного о каждом. Их истории совпали с моим восприятием!

На одном из портретов седой старик с острыми скулами и поджатыми губами, мне он показался страшным скрягой. И верно, он славился своей скупостью.

Я стараюсь рассмотреть лицо Б, чтобы прочесть его судьбу. Ничего не получается, так жаль. Вероятно, это от того, что я уже хорошо его знаю и не могу понять, где начинается наука чтения по лицу, и где заканчивается мое восприятие.

Ночь

Не уснуть. Попробую прочесть по лицу Б. – мысли не дают мне покоя. Итак. Высокий лоб – несомненный признак ума, морщины у переносицы и поперек лба выдают привычку размышлять. Брови широкие, густые с небольшим изгибом – легкая надменность и строгость в суждениях. Глаза – самое трудное – светлые, бездонные. В них много эмоций.

Профиль четкий, красивый, нос прямой, чуть расширяется ближе к нижней части лица, тяжелый, как и его характер. Четкий, прямой, не терпящий возражений. Нижняя губа чуть полнее верхней. Б. немного брюзга. Подбородок говорит о сильном характере. Б. очень красив.

Перечитала. От собственной дерзости захватывает дух. Красив. Служанки однажды обсуждали его, думая, что я не слышу. «Красивый, но гордец. И женщин ни во что не ставит. Потому и не женится!». Надо подумать еще...

Ко мне он относится хорошо, я не ощущаю неуважения. Его забавляют разговоры со мной. Как-то не увязывается...

Пойду спать, завтра еще поразмышляю.

* * *

Как-то утром Уолтер попросил принять его. Бенедикт отложил перо и достал из ящичка кошелек, думая, что художнику нужен задаток.

– Мой господин, простите, что побеспокоил. Работа моя еще не завершена, но близится к тому. Я... – художник смутился.

– Слушаю вас, Уолтер, вероятно, пришло время выплатить вам часть гонорара? Вот, держите – Бенедикт протянул ему увесистый кошелёк.

– Благодарю... Могу ли я просить об одном одолжении?

– Да. Конечно.

– Разрешите мне написать портрет вашей юной воспитанницы. Такие лица редки в наше время, редкая гармония... Простите мою дерзость...

– Вы так думаете?

– Еще раз, прошу извинения.

– Вам не за что извиняться. Что вы, художник, читаете в ее лице?

– Госпожа, повторюсь, еще юна, но в ней силен дух. По лицу, как по раскрытой книге читается открытость, готовность к новому, непреклонность вместе с искренностью, дерзость. Дело даже не в красоте, хотя она будет одной из первых. Когда я беседую с ней, мне кажется, что сама вечность обращается ко мне...

– Что же, я ничего не имею против. Оставайтесь в моем доме столько, сколько потребуется. Но я оставляю за собой право сам оценить вашу работу.

– Благодарю! – несколько смущенный, но довольный старый художник покинул кабинет.

Уолтер задержался в доме на три месяца. Беатрис терпеливо позировала, вполголоса беседуя с ним. Бенедикт же уехал в столицу, где окунулся с головой в светскую жизнь.

Бенедикт. Женский ум

Это был скромный ужин в узком кругу: несколько друзей, дамы. Вино лилось рекой, огоньки свечей отбрасывали причудливые тени, лица окружающих казались красивыми и загадочными. Бенедикт держал в руках гитару, наигрывал простую, но приятную мелодию.

– Злые языки говорят, что именно вы написали эту песню – маркиз лукаво улыбался Бенедикту.

– Лгут, бесовестно лгут. Для моего титула подобно занятие было бы унижительным, а для меня, как дилетанта слишком много чести присваивать себе чужую удачную мелодию. – Бенедикт начал новую песню и все окружающие нестройно, но с чувством стали подпевать.

– И все же, у вас хорошие песни получились!

– У меня ли? Это непростой вопрос...

– Кстати, о непростых вопросах.

– Наш философ Бенедикт знает ответ на любой вопрос, не правда ли? – мужчина в расстегнутом жилете потягивал вино.

– Да, Бенедикт! Что скажете о красоте? – дама обмахивалась веером и кокетливо улыбалась.

– Что конкретно интересует мою прелестницу в красоте? – Бенедикт устроился рядом с дамой, приобняв ее за талию и отложив гитару.

– Что для вас красиво в лице женщины? Губы? Глаза? Брови? Что самое важное в женской красоте?

– Ах, прекрасная Лаура! Вы напрашиваетесь на комплименты...

– И, правда, Бенедикт, в чем суть красоты? – остальные поддержали спрашивающего нестройными возгласами. Бенедикт отвернулся от дамы и задумчиво посмотрел на свой бокал.

– Мне кажется, что понятие красоты относительно. Кому-то нравятся темные глаза, колдовские, как у Лауры – он отсалютовал ей бокалом – другому же важны алые губы...

– Нет, это не ответ... Давай серьезно.

– Ну, серьезные разговоры на эту тему не стоит вести в присутствии дам, не рискуя их обидеть...

– Бенедикт, мы не такие обидчивые, полно...

– Сейчас, при этом неверном свете лица всех дам полны тайны, они красивы. Но стоит солнечным лучам пробежать по ним и видим, что в каждом лице можно найти несовершенства. Не в них дело. Красота не в форме бровей или цвете глаз, она в том, какой свет изливается из этих глаз. В нем может быть многое, принятие, понимание, искра разума, наконец. Или бездонная и холодная красота...

– Разум у женщины? Ха-ха... Это не только неуместно, даже вредно. Бенедикт, ты удивляешь нас. Верно, ты шутишь?

– Конечно, шучу, не могу же я так серьезно размышлять в такой чудесный вечер. У меня закончилось вино. Вина! И выпьем за красоту женской глупости!!!! – Бенедикт улыбался, но был раздосадован на себя за эти слова и на окружающих за их вопросы.

– Виват госпоже глупости! Да здравствует женская красота в ночи!

– Виват!

– Ура!

Дни летели стремительно, балы, дружеские пирушки. Темные, почти колдовские глаза Лауры сумели задержать его в городе дольше обычного. Но Бенедикт вскоре ощутил всю полноту правдивости слов, сказанных на пирушке. В душе Лауры царила пустота. Вечером в салоне она притягивала Бенедикта, манила за собой, звала. Утром при первых лучах рассвета он смотрел на бледное лицо с растекшейся тушью, на растрепавшиеся локоны и видел старуху с молодым лицом. Будучи ученым по природе, Бенедикт ставил опыты на себе, пытаясь понять суть метаморфозы и своих чувств. Как-то оставшись после пирушки, Бенедикт попробовал поговорить с ней.

– Милая Лаура, если бы я был волшебником и мог исполнить три твоих желания, чего бы ты хотела?

– Сказок не бывает, и волшебства тоже, хотя жаль... – она была изрядно пьяна.

– Давай помечтаем!

– Мечтать? Да! Помечтаем! О том, как моя тетка наконец оставит мне свои драгоценности и завещание... У нее такие изумруды! Я люблю изумруды, в этом зеленом можно утонуть... Бенедикт, давай ты будешь волшебником? Ты же подаришь мне изумруды?

– Я не о том, мне интересно, чего бы ты хотела?

– Ты меня не слушаешь! Я же сказала, что мечтаю об изумрудах! Они так изумительно на мне смотрятся. Зачем страшной старухе такие камни?

– А еще о чем ты мечтаешь?

– Еще... о брильянтах, еще о титуле!

Бенедикт пристально смотрел ей в глаза, пытаясь понять, говорит она искренне, или издевается над ним. Лаура надула губки, забралась ему на колени,

развязала ленту, стягивающую его волосы в хвост, и продолжала уже шепотом говорить о драгоценностях.

Под утро Бенедикт вернулся домой. Велел слугам собираться и провалился в темный тягучий сон, в котором Лаура пила зеленое вино из изумрудов и душила его лентой для волос старуху, похожую на мумию. Проснувшись после обеда, Бенедикт велел закладывать лошадей, чтобы отправиться в поместье.

Бенедикт. Портрет

Темная тяжелая туча стремительно надвигалась, в ворота поместья его карета въехала под проливным дождем. В библиотеке растопили камин. Беатрис ждала его, радостно улыбаясь. Она оставалась прежней, но что-то в ней изменилось. Бенедикт поглядывал на нее, пытаясь ухватить эту перемену.

– Я привез новые книги! Как продвигается работа над портретом?

– Он завершен, Уолтер нанес слой лака. Завтра он представит свою работу.

– Хорошо. Не скучала?

– Немного... – Беатрис смущенно опустила – Но я брала уроки живописи, дочитала историю Древнего Рима...

– И у тебя много вопросов?

– Конечно! Я так мало всего знаю...

Утро было ясным и свежим. Бенедикт распахнул окно в кабинете. Слуга доложил о приходе художника. Уолтер был бледен, заметно волновался, но пытался скрыть свое волнение. Он торжественно внес картину, закрытую полотном. Внимательно оглядел кабинет и поставил холст на каминную полку.

– Господин, кажется, это моя лучшая работа... Но судить о ней, безусловно ваше право...

Дрожащей рукой художник снял полотно. С холста смотрела Беатрис. Бенедикт невольно замер, пораженный ее красотой. Волосы короной уложены на голове, прямые брови, большие голубые глаза излучают свет, прямой аккуратный нос, четко очерченный рот, нитка жемчуга на шее и простое платье. Мужчины в молчании изучали портрет, только птицы щебетали за окном. Бенедикт смог понять суть перемены, произошедшей с его воспитанницей, она повзрослела. С холста на него смотрела юная леди.

– Да, это лучшая твоя работа. Хотя, ты несколько польстил своей героине...

– Нет, господин, – горячо возразил художник. – Я сожалею, что не смог передать всей красоты души этой дамы. Подобные ей приходят в этот мир не каждое столетие.

– Да...

Бенедикт щедро наградил художника. Портрет занял свое место в библиотеке. Литературные вечера возобновились. Бенедикт изредка ловил себя на том, что сравнивает портрет и оригинал, и все чаще портрет казался бледной копией Беатрис.

Туман настоящего

Беатрис всегда любила гулять в парке. День был пасмурным, туман сначала стелился по земле, потом начал окутывать все вокруг. Огромные деревья, как призраки стояли в белой пелене. Тишина царила глубокая и мягкая, даже шаги по дорожке стали не слышны. Беатрис шла медленно, накинув на голову капюшон, когда из тумана возник всадник – это Бенедикт возвращался домой. Он спешил и придержал коня. Бенедикту в голову пришло, что фигурка Беатрис словно соткана из тумана и мрака, столько в ней было чего-то неосязаемого, загадочного.

- Похоже, туман решил поглотить наш мир.

- Да, но мне это даже нравится. Только вслушайтесь в это безмолвие!

- И тебе не страшно?

- Нет, мне кажется, что я попала в сон...

Они медленно шли к дому, наблюдая, как полотно дорожки выступает из белой пелены, показывая путь.

В доме было темно, наступил вечер. Туман плотно задрапировал стрельчатые окна библиотеки. Бенедикт устроился в кресле, пламя свечей горело ровно, в камине догорали красноватые угли. Беатрис сидела рядом с книгой, лицо ее, склоненное над страницей словно разделилось на две половинки: огненную теплую и призрачно-холодную темную.

- Сегодня ты говорила про то, что этот туман напомнил тебе сон. Ты помнишь свои сны?

- Да. Большею частью помню – она подняла голову и стала смотреть перед собой на книжные полки напротив. Иногда сны бывают интересные, яркие, как сказки. Но чаще – просто отголоски мыслей и воспоминаний... А вы? Что такое сны, на ваш взгляд?

- Половину жизни мы спим. Я много думал над этим. Всё зависит от человека, от того, как работает его мышление и воображение. Сны – величайшая загадка нашего существования. Иногда мне кажется, что там, за порогом сна есть еще одна жизнь. Когда мы засыпаем, но забываем про нашу реальность и живем в той сонной, неведомой вселенной. В ней другие законы и своя логика. Ты заметила, как сложно порой пересказать свой сон или записать его?

- Да... Там все иначе. Я еще никогда не пыталась записывать сны, но уверена, это будет непросто... У вас есть любимые сны?

- Трудно сказать. Есть несколько повторяющихся...

– Пожалуйста, расскажите!

– Хм... Чаще всего я вижу во сне аббатство – то самое, в скриптории которого могу поработать, когда бываю в городе. На мне монашеская ряса, я намного старше. Видишь ли, сны, как мне кажется, могут быть пророческими, или показывать одну из вероятностей возможного развития событий... За стенами скриптория слышны выстрелы. Я очень волнуюсь. Но что-то ведет меня, подсказывает, что делать. Я иду к боковому выходу. С высокой стены смотрю на город, он погружен в туман. Вижу каменные ступени, ведущие вниз, сбегая по ним, придерживая полы рясы. Бесшумно открывается тяжелая дверь, туман окутывает меня... – Бенедикт замолчал, погружившись в воспоминание.

– А дальше? – Беатрис даже невольно придвинулась ближе.

– Дальше, – Бенедикт провел ладонями по лицу, словно снимая с него паутину сна – Дальше, ничего нет, я просыпаюсь. У одного мудреца я прочитал, что, если записать сон, то можно понять его смысл.

– Получилось?

– Нет. Это сновидение пока хранит свою тайну... – сказав это он улыбнулся и невольно зевнул. – Кажется, пора в объятия Морфея! Хороших снов и пусть к нам придет яркая волшебная сказка!

Беатрис некоторое время не могла уснуть, она отодвинула штору, приоткрыла окно и стала ждать, когда тонкие полоски тумана вползут в комнату. Но вскоре сон пришел к ней и принес то самое сказочное видение, которого она ждала, сама того не осознавая, и которое напророчил Бенедикт.

Беатрис (из дневника). Сон

Туман стелился по полям, туман окутал все. У него не было мыслей, только тупое упрямство: шаг, еще шаг, снова шаг. И вот из белой пелены выступила стена, он

пошел вдоль нее, проводя пальцами по шершавой поверхности, стена оборвалась дверным проемом. Он шагнул туда в полную темноту. Шаг, еще шаг. Что-то блеснуло впереди. Слабый огонек в тягучей тьме. Так. Теперь туда, к нему. Это огонь, и кто-то сидит рядом. Кто-то важный, ради которого нужно было так упорно идти сквозь туман. Вот оно! Еще усилие – нужно разбить склянку. И звук разбитого стекла облако тускло-серебристой в темноте магической пыли...

– Ты ошибся, гость... Это не то заклинание. Но я рад, что ты смог дойти. Посмотри сюда!

Он прищурился, пытаясь понять, чего от него хотят. Яркая вспышка света, и мир преобразился.

Большая комната, летний солнечный день за высоким окном, пение птиц. Худощавый немолодой человек в темной мантии с очень умными и понимающими глазами стоит перед ним.

– Я рад тебе, рыцарь! Не волнуйся. Все уже позади. Я снял заклятье! – он подал знак, и слуга протянул гостю большую чашу – Пей. Будет легче.

Тот, кого называли рыцарем, сделал робкий глоток, а потом залпом допил содержимое. По телу разлилось тепло. Получилось глубоко вздохнуть.

– Так. Хорошо. У тебя будет много вопросов, но сначала тебе нужен отдых. За этой дверью ванна, а здесь кровать.

Рыцарь посмотрел на роскошную кровать под балдахином на безупречно белые простыни, на атлас одеяла. Кровать манила его. Он пошел к ней.

– Нет, сначаланими доспехи! Стой.

Рыцарь слегка замедлился, ровно настолько, чтобы увидеть свое отражение в зеркале напротив: черное от грязи лицо, ржавая кольчуга, клочковатая борода. Но кровать манила. Он уже подошел и протянул руку. Тогда маг, а это был без сомнения именно он, хлопнул в ладоши. И все это чудное убранство

превратилось в мышей, ручьями брызнувших в разные стороны. Перед рыцарем остались голые резные доски.

- Еще шаг, и ложе убежит от тебя в виде крыс. Отдохнуть придется на голом полу...

Рыцарь как-то сразу поверил магу и обреченно пошел в соседнюю комнату. Там странно безликие слуги ловко разоблачили рыцаря и помогли ему погрузиться в горячую воду. Еще один кубокпряного напитка придал силы, и вскоре абсолютно чистый рыцарь блаженно вытянулся на новых белоснежных простынях под атласным одеялом.

За коном светило солнце. Рыцарь проснулся отдохнувшим. На стуле рядом он нашел новую одежду своего размера. Молчаливый слуга помог ему одеться, аккуратно сбрил бороду и привел в порядок волосы. Рыцарь смотрел в зеркало на свое бледное лицо с запавшими щеками и понимал, что ничего не помнит. Только клубящийся туман... Он невольно вздрогнул, когда понял, что не знает даже своего имени. Слуга откланялся и пригласил на завтрак, а потом ушел, указав дорогу.

Рыцарь вышел из комнаты в широкий коридор и замер от неожиданности. Везде на черно-белом как бы шахматном полу кипело нешуточное сражение: примерно полдюжины абсолютно одинаковых черных котов сражались с несметным количеством мышей. Коты были аспидно-черные с длинными хвостами и лапами, с яркими янтарными глазами. Прямо перед ним четыре кота, встав хвостом к хвосту, вытянув лапы и выпустив когти лупили мышей, при этом они показались на миг рыцарю чудовищным осьминогом. Рыцарь двинулся дальше. Война котов и мышей клубилась кругом, но что удивительно звуки были вполне мирные: мягкие шлепки, помякивания. Окончательно поразил его воображение один единственный и неповторимый огромный усатый и толстый кот, который преспокойно лежал на полу, подставляя свои бока и мохнатый живот мышинным лапкам. Мыши энергично бегали по нему, словно делая массаж и, как почудилось рыцарю, улыбаясь.

Впереди показалась большая гостиная, откуда доносились ароматы еды. Рыцарь ускорил шаги, решив ничему не удивляться.

– Доброе утро, друг мой! – маг поднялся из-за стола, приветствуя рыцаря –
Прошу!

– Доброе утро... – хрипло ответил гость.

– Устраивайтесь и поешьте хорошенько, нам предстоит долгий разговор...

Мыши и коты и здесь продолжали противоборство. Рыцарь, поглощая великолепный завтрак, то и дело косился на них.

– Пусть вас это не удивляет. Скоро это сражение будет окончено. Видите, их становится все меньше – Приглядевшись, рыцарь заметил, что попеременно то кот, то группа мышей исчезает, тая в воздухе. Маг продолжал – Можно было бы, конечно, хлопнуть в ладоши, и мыши исчезнут. Но это как-то прозаично и скучно. Я просто к мышам добавил точные копии моего кота Криста. И теперь можно наслаждаться зрелищем грандиозной битвы!

Глаза мага смеялись, когда он говорил, а лицо светлело и становилось моложе.

– Я видел одного толстого черно-белого кота...

– А, это, должно быть, Фердинанд – кот моего повара. Добрый малый, но несколько ленив – рыцарь так и не смог понять, говорит волшебник о коте или о своем поваре.

Коты и мыши медленно таяли в воздухе. За окнами пели птицы. На душе рыцаря стало спокойно. Он словно очнулся от долгого столетнего кошмара. И глаза мага улыбались ему.

Рыцарь Тумана

Беатрис проснулась и еще некоторое время лежала неподвижно, запоминая сон, а потом, накинув на плечи шаль, села за стол, чтобы записать эту волшебную историю. Перо быстро бежало по страницам книги с фениксом на обложке, слова

возникали сами собой. Беатрис улыбалась, удивляясь причудливости сновидения. Она очнулась, дописав заключительный эпизод. Служанка вошла в комнату, давно пора было одеваться.

Бенедикт ждал ее в гостиной, он пил чай и листал книгу.

– Все хорошо?

– Да. Я видела чудесный сон. Один из тех, про которые мы говорили вчера. Прошу прощения, что задержалась. Все увиденное просилось на бумагу...

– Расскажешь? Нет, лучше дай почитать!

– Хорошо, но только... не судите строго...

Бенедикт довольно поспешно послал слугу в комнату Беатрис за тетрадью. Он быстро прочитал текст.

– Замечательно! Кто же этот рыцарь? У него будет имя?

– Не знаю... Во сне этого не было.

– Всегда можно развить мысль, дописать историю...

– Я не писатель, не умею выдумывать...

– Вот еще! Не поверю. Вся эта история родилась в твоем сне, а значит, ты прекрасно умеешь сочинять. Итак, как же имя рыцаря?

– С ним случилось что-то ужасное, имя он утратил вместе с воспоминаниям.

– Тогда давай придумаем ему новое имя! – Беатрис смотрела на Бенедикта и видела, как в его глазах разгорается тот самый огонек, который бывал в них в пылу спора или очень интересного для него обсуждения.

– Так. Давайте подумаем. Что мы знаем о нем?

- Рыцарь в ржавой кольчуге шел сквозь туман и на нем было заклятие...

- Туман, туман... - Бенедикт забарабанил пальцами по столу - Рыцарь тумана... как это будет по-латыни? Туман от воды... Винис Калиго? Вышедший из тумана...

- Вышедший из тумана - эхом повторила Беатрис.

- Ты - рыцарь, вышедший из тумана - говорил маг, обращаясь к гостю, глядя на него в упор глазами Бенедикта.

- Я - рыцарь, вышедший из тумана - шептал гость губами Беатрис.

- Долгих 300 лет было на тебе заклятие. Не пытайся вспомнить прошлое, его больше нет...

- Больше нет - эхом отозвался рыцарь-Беатрис

- Нарекаю тебя новым именем, рыцарь тумана, отныне ты будешь зваться Винис Калиго Рыцарь Тумана!

- Принимаю это имя и новую свою судьбу. Я - Винис Калиго!

Маг протянул рыцарю тяжелый меч и круглый медальон на мощной цепи.

- Это твой меч! А этот медальон будет для тебя источником силы.

Калиго опустился на одно колено. Порыв внезапного ветра, вихрем пронесшегося по комнате взметнул листы на столе, ровный голубой свет бликом прошел по клинку, теплый огненный всполох блеснул на медальоне. В глазах рыцаря зажглись огни.

- Вопрос жизни и смерти не должен волновать тебя. Теперь ты вне их власти. Твое место здесь. Твоя миссия - быть посланником. Твоя задача - искать души окованных заклинаниями, выводить их из тьмы.

Рыцарь принял присягу, повторив слова мага и прочитав длинное заклинание, слова которого сами собой приходили в голову.

– А потом? – зачарованно спросила Беатрис.

– А потом рыцарь некоторое время жил в доме мага, он привыкал к новому состоянию, он выздоравливал душой и телом. Когда пришло время, он отправился в туман, чтобы искать тех, кому нужна его помощь и защита!

– Очень красивая получилась история!

– Я тоже так полагаю...

Мир вокруг них пришел в движение. Снова солнечный свет заливал стол, уставленный посудой. Беатрис восхищенно смотрела на Бенедикта, положив подбородок на кулак. С тех пор к обсуждению прочитанных книг прибавилась новая тема, скоро ставшая традицией. Они записывали самые яркие сны, читали их друг другу и дописывали истории. Рыцарь Тумана среди всех оставался их любимым персонажем.

Крис. Чёрный кот

Бенедикту пришлось приехать в город, есть некий род придворных дел, которыми не может пренебрегать даже тот, за кем прочно закрепилась репутация философа. Завершив все необходимое в этот день, Бенедикт решил заглянуть в книжную лавку. Днем было солнце, но к вечеру стал накрапывать дождь. Бенедикт шел по узкой улице, завернувшись в плащ, в последнее время он больше предпочитал ходить, ему так лучше думалось. Он шел в сгущающихся сумерках, глядя под ноги, полностью погруженный в размышления, когда что-то очень маленькое, пискнув, кинулось к нему. И тут же раздался свист и крики мальчишек. Оборванная ватага выбежала из подворотни.

– Лови его!

– Скорее! Кидай камень, верткий чёрт!

Увидев Бенедикта, они остановились, в нерешительности переминаясь с ноги на ногу.

– Сэр, простите! – обратился к нему самый высокий с неуклюжим поклоном – Помогите поймать этого!

Только тут Бенедикт понял, что черный комочек у его ног – маленький черный котёнок. Он взял его на руки. Зверек вымок, дрожал всем тельцем, сердечко ого билось в груди пойманной птицей, судя по всему, у него не осталось сил даже на то, чтобы мяукать.

– Что котёнок вам сделал?

– Сэр, это черт, его надо убить!

– Глупости. Я покупаю его у вас – Бенедикт бросил на булыжники мостовой пригоршню мелочи и спокойно, но быстро пошел прочь, спрятав котенка под плащ. Пока мальчишки, толкаясь и ругаясь собирали монеты. Маленький беглец совсем продрог, но почувствовав себя в безопасности доверчиво прижался к Бенедикту и затих.

Дома Бенедикт осмотрел животное. Котенок был худым, облезлым и больным. Но отличался завидным аппетитом, вылакав блюдце молока, отчего животик его раздулся, малыш с интересом стал рассматривать человека и даже тихонько, словно вопросительно, мяукнул.

– Да, не повезло тебе с окрасом. Ни одного белого пятнышка. Таким тебе долго не прожить... Знаешь, что, кажется, я знаю, кто будет очень тебе рад...

Малыш обосновался в небольшой корзинке. Много спал, еще больше ел, и уже через две недели стал выглядеть не таким замученным.

Бенедикт вернулся в поместье позднее запланированного, но вышел из кареты, держа в руках корзинку, вид у него был при этом загадочный и довольный.

Беатрис он застал, как всегда, в библиотеке, он ждала его, радостно улыбаясь.

– Я задержался, но у меня есть веская причина в оправдание – Бенедикт протянул ей корзинку как раз в тот момент, когда ее житель решил подать голос.

– Мау? – прозвучало в библиотеке с вопросительной интонацией.

Беатрис открыла крышку и только ахнула. Два янтарно-желтых глаза с интересом смотрели на нее. Она достала котёнка из корзинки, прижала к себе и стала тихонько поглаживать.

– Какое чудо! Малыш, шерстка удивительно гладкая! Откуда?

– С улицы, кинулся мне под ноги...

Котенок обнюхал Беатрис, потом подставил ей шейку и громко замурлыкал.

– Ого! Меня подобными звуками не изволили радовать!

– Кажется, я ему нравлюсь! Как его зовут?

– У него пока нет имени...

– Как у рыцаря из тумана?

– Именно...

– Тогда я назову его Крестобаль!

– Такое грозное имя для такой крохи?

– Пока будет Крис... А когда вырастет и станет роскошным черным котом, будет гордо именоваться полным именем!

С того вечера Беатрис и Крис стали неразлучны. Котенок спал рядом с хозяйкой, зорко серег ее покой. Очень любил, обернувшись вокруг шеи, сидеть у нее на плечах. Когда хозяйка писала или читала, сидя за столом, Крис спал у нее на коленях. Он радостно ловил солнечных зайчиков, которые зеркальцем запускала Беатрис и охотился на бумажные шарики.

Крис быстро рос. Шерсть его стала переливаться в свете свечей, огромные янтарные глаза смотрели внимательно и оттого грозно. Каждое утро служанки с ужасом находили у кровати юной госпожи трупки мышей, аккуратно разложенных хвостик к хвостику. Крис быстро изучил окружающих. К Бенедикту относился ровно, хорошо, вероятно, памятуя о своем спасении. Беатрис он самозабвенно любил, так сильно что с напряженным вниманием смотрел на всех, кто к ней приближался. Служанки невольно крестились, когда, входя в комнату госпожи, ощущали на себе взгляд этого «черта» и «черного чудища».

Истопник был уверен, что его хозяин вызвал дьявола, который в облике этого жуткого кота охраняет красавицу-барышню. Только повар и его помощник зауважали Криста после того, как тот истребил всех мышей, и всегда оставляли кусочек мяса или рыбы для него. Кот принимал подношения благосклонно и даже иногда позволял им прикоснуться к своей царской особе.

Остальные были для кота или предметами неодушевленными, или врагами. Однажды конюх позволил себе схватить Криса. Расплатой были глубокие царапины. Между ними завязалась непродолжительная, но ожесточенная война. Крис приходил в конюшню охотиться. Конюх начал охоту на черного кота, но сильно недооценил противника. Крис был не просто обычным представителем кошачьих, он был очень умным котом. Притаившись под потолком конюшни на балке, полностью слившись с темной, Крис ждал, когда враг пойдет внизу с полными ведрами воды. Стремительны прыжок, и поверженный враг с расцарапанной щекой, мокрый с головы до ног лежит на полу. Конюх ругался, орал, но оказывался бессилен перед ловкостью и проворством юного Кристобаля.

Но все же большую часть времени кот проводил с Беатрис, став ее тенью. Он спал в складках ее платья днем, рядом с ней на кровати почти всю ночь. И очень полюбил вечера у камина, шурился, слушая голоса Бенедикта и Беатрис, дремал или пристально смотрел на слугу, зажигающего свечи.

Бенедикт. Шифр

Даже в поместье до Бенедикта долетали отголоски новостей. Не обошел стороной его громкий скандал, связанный с обнаружением переписки маркизы и юного наследника. В целом в письмах не было ничего особенно, сам факт переписки стал поводом для падения знатного дома. Это заставило Бенедикта задуматься. Он достал из тайника в ящике стола бумаги с шифром, который разработал несколько лет назад от нечего делать. Придирчиво изучил материалы и начал аккуратно переписывать.

Вечером он вошел в библиотеку со свернутыми трубочкой листами. Беатрис, взглянув на него встревожилась.

– Я чуть было не совершил непростительную ошибку! Привычка писать дневники и делать заметки – прекрасна, но она может быть и столь же опасна. Бумага молчалива, но строчки на нее нанесенные могут быть громогласны.

– Я понимаю, тайна, доверенная бумаге, уже не тайна – Беатрис вспомнила о своих заметках в дневнике, посвященных Бенедикту, и невольно покраснела.

– Именно. Рано или поздно наступит время, когда высший свет призовет тебя, и привычка доверять мысли бумаге может стать роковой. Здесь – он протянул листы Беатрис – особый шифр. Я сам его разработал. Изучи и используй для самых важных записей. Но не веди дневник только им. Шифр – твоя маленькая тайна.

Беатрис понимающе кивнула. Следующие несколько дней она провела, изучая шифр, привыкая писать новыми символами. И даже это превратилось у них в игру, Бенедикт писал короткие записочки, его ученица переводила их, и шифровала ответ. Сами записки они немедленно сжигали. Входя в библиотеку, они обменивались хитрыми улыбками. Крис поводил ушами, казалось, понимая и поддерживая их настроение. Время летело стремительно и неумолимо.

Беатрис. Дорога

В середине зимы Бенедикт получил письмо, которое повергло его в тяжкое раздумье. Беатрис была последней представительницей знатного рода, при дворе ей прочили блестящую партию и ей надлежало готовиться к замужеству. Беатрис восприняла эту новость с видимым спокойствием. Но утром была бледна, под глазами залегли темные тени. Все реже они засиживались в библиотеке, невидимая черта словно была проведена между ними.

Суэта началась за три дня до отъезда. Служанки перебирали платья и обувь, чистили фамильные украшения. Беатрис наводила порядок в бумагах, сжигала черновики в камине. Крис, чувствуя ее волнение, не отходил ни на шаг, даже обедал с госпожой, пренебрегая охотой.

Погода безнадежно испортилась, все ближе была весна. Но дороги еще не успели размокнуть от грязи, поэтому сборы пришлось ускорить. И вот под низким серым небом три кареты стояли у парадного крыльца.

Беатрис спустилась по ступеням в дорожном платье, на плечах ее был плотный плащ, сколотый на груди. Под плащом, обняв лапами хозяйку, устроился Крис. Его янтарные глаза внимательно смотрели на суесящихся вокруг. Одной рукой Беатрис придерживала кота, другой приподнимала длинные юбки. Она была бледна.

Бенедикт стоял на крыльце. Он всматривался в хрупкую фигурку девушки, словно пытаясь запомнить ее до мелочей. Беатрис замерла у кареты, глядя на него. Бенедикт быстро спустился по ступеням к ней.

– Вот и все... Не люблю долгих прощаний и напутствий. Но не кривя душой скажу, что рад был такой ученице. Мне больше нечего дать вам, юная госпожа. Примите на память скромный подарок – Бенедикт протянул ей небольшой замшевый мешочек. – Буду благодарен за весточку о том, как вы добрались. Прощайте, госпожа.

Беатрис смотрела на него, словно оглушенная холодной вежливостью, и этими словами, физически ощущая пропасть, которая окончательно разверзлась между ними.

– Благодарю, сударь! За тепло и внимание ко мне... Оставляю за собой право изредка присылать весточки. Благослови Вас Бог, сударь! – Беатрис сделала

легкий реверанс и позволила помочь себе сесть в карету.

Еще несколько минут и лошади тронулись. Беатрис была в карете одна, только с Крисом. Она настояла на этом. За окном мелькали черные стволы деревьев. Беатрис смотрела на них сквозь радугу слез, она расстегнула плащ и Крис встал на задние лапы, глядя ей в лицо. Карету слегка покачивало, они ехали по хорошей дороге. Кот замурлыкал, пытаясь ее утешить, шершавым языком он слизывал слезы, щекотал ее усами, прижимался, пытался согреть своим теплом.

Немного успокоившись, прижав к себе Крису, Беатрис поняла, что до сих пор сжимает в руке подарок Бенедикта. Она поднесла к окну бархатный мешочек, развязала его и ахнула, залюбовавшись драгоценным кольцом тонкой работы, оно пришлось точно впору. Изящный дракон словно обнял палец Беатрис, золотые чешуйки отразили серый свет пасмурного утра, темные сапфиры глаз дракончика задумчиво смотрели на нее. Из мешочка выпала записка: «Я не могу более влиять на Вашу судьбу. Знаю, что Кристобаль утешит и согреет Вас. Пусть этот дракон станет еще одним Вашим стражем, он смотрит на мир сапфировыми глазами. Сапфир, как Вы знаете, камень мыслителей и философов. Уверен, на все происходящее вокруг вы тоже смотрите философски. Кольцо точная копия того, что было у Вашей матери, носите его открыто. Дракон – геральдический символ дома вашего отца. Прощайте, моя единственная и незабываемая ученица...».

Беатрис тихо плакала, вспоминая, как девочкой ехала к Бенедикту. Тогда ужас безысходности был сильнее, тогда она была бесконечно одинока. Сейчас Крис мурлыкал у нее на коленях, на пальце дремал дракон.

С наступлением ночи карета подъехала к большому городу, в самой дорогой гостинице которого, для Беатрис и ее свиты был отведены просторные покои. Служанки помогли Беатрис переодеться, принесли ужин, застелили огромную кровать под бордовым балдахином. Вопреки обыкновению, Беатрис не сделала ни одной записи в дневнике. Крис улегся рядом с ней, положил ушастую голову ей на грудь и замурлыкал. Незаметно для себя она провалилась в сон.

Беатрис. Женщина на качелях

Это был черно-белый мир. Низкое серо-жемчужное небо над головой и голая черная земля. На окраине деревни жила женщина, все считали ее сумасшедшей, потому что она утверждала, что весь мир вокруг нее качается, то есть находится в постоянном движении. Поэтому она очень аккуратно ходила, опираясь на палку, чтобы не упасть. Родные держали ее в доме из милости, она же как могла помогала им. Медленно ступая, приносила хворост, подметала двор, только за водой не ходила, говоря, что вся вода прольется потому, что мир качается.

Это была поздняя осень. Низкое серое небо, казалось, лежало на земле. За деревней на пригорке росло огромное дерево. Летом дети и подростки привязывали к нему качели, с раннего утра и до позднего вечера не стихали их голоса. Но сейчас было холодно. Листья на дереве облетела. Качели сиротливо покачивались на ветру. Женщина шла за хворостом и остановилась у дерева. Подошла к качелям, села на них, отбросила свою палку. Стала раскачиваться и радостно засмеялась – мир перестал качаться! Она впервые смогла рассмотреть все в деталях: и ветви дерева, и землю внизу, и линию горизонта, и острые крыши деревенских домов. Она раскачивалась и смеялась долгим, звонким залихватистым смехом.

Беатрис проснулась, но ей казалось, что она слышит еще отголоски смеха этой женщины. Лежа с закрытыми глазами, повторила мысленно странный и яркий сон. Город начинал просыпаться. Она медленно поднялась, боясь растерять ощущение сна. Крис проснулся и грациозно потянулся, вопросительно взглянув на нее. Беатрис подошла к сундучку с дорожными вещами и, быстро водя пером по бумаге, записала сон.

Позднее, в карете он все думала о женщине и качелях. О чем этот сон? Да, чтобы все встало на свои места нужно хорошенько раскачаться. Беатрис смотрела на мелькающие за окном пейзажи и приводила в порядок свои мысли. Начинаясь новый этап ее жизни, в котором многое будет зависеть уже от нее самой и от того, как высоко ее смогут вознести качели. И от того, сможет ли она остановить зыбкую реальность.

Бенедикт. Тоска

Кареты скрылись из виду. Бенедикт стоял, словно оглушенный, глядя на пустую дорогу. Вот и все... Он сделал над собой усилие и вернулся в дом. Велел растопить камин. Но с отъездом Беатрис в библиотеке стало пусто и неуютно. Он обвел равнодушным взглядом книжные полки, тусклая позолота корешков книг отсалютовала ему. Призрак Беатрис грустно смотрел на него с портрета. Бенедикт пошел бродить по опустевшему дому. В нерешительности замер перед дверью, ведущей в бывшие покои Беатрис и понял, что ни разу сюда не заходил. Распахнул дверь.

Комната была уютной и еще не утратила обжитого вида. На столе – идеальный порядок: очиненные перья, чернила в чернильнице, аккуратная стопка чистой бумаги. И конверт на столе. Бенедикт повертел его в руках и с удивлением прочел свое зашифрованное имя, вскрыл его и начал читать письмо, написанное на выдуманном им языке символов.

«Вероятно, так и не решусь передать это письмо адресату. По крайней мере доверю бумаге свои мысли, как привыкла это делать...

Как жаль, что туман настоящего не дает возможности осознать, насколько значимы происходящие с нами события! Как я корю себя, что не ценила наших посиделок у камина. Они казались мне делом обычным и привычным. Как естественно было быть вместе. Только получив известие о своей участи я поняла, что не смогла разглядеть истинную любовь сквозь туман настоящего. Как глупо устроен человек!

Не в моих силах изменить что-либо! Но я в состоянии набраться мужества и смириться, а еще поблагодарить Бога за то, что это было в моей жизни. Когда-то, читая «Антония и Клеопатру», я пришла к заключению, что любовь ослепляет человека. Нет. Не любовь. Нас ослепляет более страшная напасть, я теперь знаю ее – это туман настоящего.

Обещаю себе не поддаваться ему более... Если это будет в моих силах... Если это вообще в силах человеческих...

Прощайте, может быть навсегда, мой учитель и самый главный мужчина в жизни. Я пронесу любовь к Вам через все испытания...»

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/orlova_natal-ya/tuman-nastoyaschego-neskol-ko-zhizney

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)